

**Языковая политика в контексте
современных языковых процессов.
Отв. ред. А.Н. Биткеева. — Москва:
Издательский центр «Азбуковник»,
2015. — 472 с.**

Рецензируемая монография состоит из четырех глав, однако большая ее часть — 1-ая, 2-ая и половина 4-ой главы — посвящены языковой политике и функционированию языков в Российской Федерации, и это неслучайно. Как пишут авторы в предисловии, «в силу своей многонациональности, исключительного разнообразия языкового и культурного ландшафта, своеобразия исторического и социокультурного развития в центре особого внимания исследователей оказалась Российская Федерация. 3-я глава «Опыт реализации языковой политики в многонациональных странах за рубежом» носит вспомогательный характер, поскольку авторы, в основном, сосредотачиваются на проблемах языковой политики в России. Тем не менее наличие данной главы в монографии важно и связано с тем (здесь мы опять процитируем предисловие), что «анализ международного опыта в плане урегулирования языковой жизни в многонациональных странах, соблюдения прав народов необходим для проведения эффективной языковой политики в таком поликультурном государстве как Российская Федерация».

В первой главе «Функционирование языков в современной России» обсуждаются основные принципы национально-языковой политики в Российской Федерации, языковое законодательства как этап реализации языковой политики, языковое единство и языковое разнообразие в Российской Федерации.

В заключительном параграфе «Русский язык как язык единения в многонациональном государстве» содержится, в частности, довольно большая в пропорциональном отношении часть по истории русского литературного языка, которая дается почти без ссылок. Справедливости ради надо сказать, что в части данного параграфа, посвященной проблемам русского языка в российском законодательстве, аккуратно приведены ссылки на законодательные акты.

Во второй главе последовательно описываются модели языковой политики в Российской Федерации. Данные модели — однокомпонентная, двухкомпонентная, трехкомпонентная, многокомпонентная и дифференциальная — были сформулированы ранее в [Михальченко 2014: 28]. При выделении моделей языковой политики учитывается не только количество статусных языков (функциональных доминант), но и их специфика. Трехкомпонентная модель языковой политики выделена в отдельный подтип, хотя три функциональные доминанты можно причислить к многокомпонентному подтипу. Дело в том, что в этой модели представлены, кроме русского, два варианта одного и того же этнического языка, а не отдельные этнические языки. Дифференциальная модель языковой политики выделена в связи с тем, что функционирование языков малочисленных народов, многие из которых являются исчезающими, требуют особого, отдельного внимания к каждому из них.

В параграфе, посвященном однокомпонентной модели языковой политики, речь идет о субъектах Федерации с преобладающим русским населением. В то же время в данном параграфе говорится об автономных округах и автономных областях РФ, где компактно проживают представители малочисленных народов. «Здесь несколько другая языковая ситуация, основные особенности которой определяются необходимостью создать условия для сохранения языков и культур коренных жителей территорий — представителей малочисленных народов Российской Федерации.

Именно поэтому наряду с Конституцией и законом РСФСР «О языках народов РСФСР» (1992) действуют законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации (1999) и другие законы, касающиеся малочисленных народов России» (с. 101). Подробнее об этом речь пойдет в параграфе «Дифференциальная модель языковой политики».

В параграф «Двухкомпонентная модель языковой политики» вошли сведения о языковой политике в Республике Бурятия, трех республиках Южной Сибири — Алтай, Тыва и Хакассия — и в Республике Адыгея. В языковой политике в этих субъектах Федерации, тем не менее, прослеживаются различия, продиктованные различиями в языковых ситуациях. Так, Закон «О языках народов Республики Бурятия» (1992) наряду с положениями, общими для законов о языках различных субъектов РФ, содержит некоторые специфические положения, которые определены Законом РФ для национальных республик и только для данного региона. Например, в статьях 12 и 21 говорится о языках национальностей, компактно проживающих в республике Бурятия, — эвенках, немцах и татарах. Им предоставлено право использовать свои языки в делопроизводстве, проведении референдумов, создавать дошкольные и школьные группы и классы для обучения и воспитания на родном языке.

В трех республиках Южной Сибири при одинаковом статусе государственных языков характер языковой политики и языкового законодательства варьирует в зависимости от демографической мощности языков. Наиболее стабильными являются перспективы тувинского языка, наименее благоприятный прогноз делается в отношении хакасского языка.

В разделе о языковой политике в Республике Адыгея подробно анализируются сильные и слабые стороны языкового законодательства.

Трехкомпонентная модель языковой политики представлена языковой политикой в Республике Марий Эл и

Республике Мордовия. В этих двух финно-угорских республиках этноязыковая ситуация отличается от других субъектов федерации тем, что в них статус государственного языка, помимо русского имеют два национальных языка: эрзянский и мокшанский в Мордовии и горный марийский и луговой марийский в Марий Эл, хотя в официальных документах — Конституциях и законах о языках — языки названы как мордовский и марийский, а эрзянский, мокшанский, горный и луговой указаны в скобках. Проблему существования двух языков в марийском и мордовском обществах пытались решить еще со времен языкового строительства 1920-х годов. «История распорядилась так, что в Марий Эл и Мордовии государственными оказались по два национальных языка. Вкупе с русским, таким образом, в каждой из республик существуют три государственных языка. Проблема, однако, в том, что в законах не установлено, когда и где использовать тот или иной национальный язык, как изучать, например, луговой марийский язык в районах проживания горных марийцев и наоборот. Законы о языках в этих республиках, иначе говоря, ничем не отличаются от законов, принятых в республиках с двумя государственными языками. А ведь наличие трех языков значительно осложняет ситуацию» (с. 178–179).

В параграфе, посвященном многокомпонентной языковой политике, анализируется языковая политика в Республике Дагестан. Уникальность языковой ситуации в Дагестане обусловлена тем, что здесь как в регламентируемом, так и в нерегламентируемом общении софункционируют 14 государственных языков (включая русский), в нерегламентируемом общении, кроме того, используются многочисленные бесписьменные идиомы. При осуществлении языковой политики в Дагестане приходится учитывать самые разнообразные факторы, связанные с этническим, языковым, культурным многообразием региона, с тем чтобы обусловить психологический комфорт.

И, наконец, дифференциальная модель языковой политики включает в себя языковую политику по сохранению языков малочисленных народов и решение языковых проблем мигрантов в России. Рассматривается развитие языковой ситуации у коренных малочисленных народов России за последние два с половиной десятилетия по данным переписей и социолингвистических обследований. Анализируется языковая политика, направленная на сохранение языков коренных малочисленных народов РФ, проводившаяся как в масштабах страны, так и по отдельным регионам. Делаются выводы о том, что хорошая, правильная политика не дает результатов, предлагаются дополнительные меры по сохранению языков. Одна из таких мер — отказ от предрассудка о вреде билингвизма и пропаганда преимуществ владения двумя языками перед владением только одним языком.

Далее делается обзор адаптации иммигрантов в Россию начиная с XVIII в. Делается вывод о том, что знание языка играет первостепенную роль для успешной интеграции в принимающее общество. Обязательное знание русского языка закреплено на законодательном уровне и является важной частью государственной миграционной политики.

В последней главе «Языковая политика в области структуры языка» речь идет, во-первых, о языковой политике в области графики и орфографии в России, а во-вторых, о влиянии языковой политики Китая на структуру языка. Начинается глава с довольно сомнительного, с терминологической точки зрения, утверждения: «Графика и орфография — уровни языка, наиболее подверженные реформам». Делается обзор истории становления письменностей на языках народов бывшего СССР с периода языкового строительства, а также истории становления русской графики со времен Петра I и реформ русской орфографии.

В целом, надо отметить, что коллективный труд интересен, познавателен и, безусловно, очень актуален.

Литература

Михальченко В.Ю. Варьирование национально-языковой политики в современной Российской Федерации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция. Москва, 2014.

Агранат Т.Б.

Агранат Татьяна Борисовна
Институт языкознания РАН
tagranat@yandex.ru